

АРХЕТИП «СЧАСТЬЕ» И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX ВЕКА

Известно, что почти всегда воспитание человека начиналось с воспитания его идеи. Традиция первым долгом адресовалась к разуму и при его посредничестве – к душе. Разуму как бы доверялось вразумление души.

Достоевское «подполье» – нечто вроде пороховых погребов, откуда на арену открытой схватки передается взрывная энергия страстей, накопившихся обид, неутоленных запросов. А всю эту работу, подачу энергий организует болезненно-напряженная идея, созревшая в мозгу Раскольникова или Карамазова.

Толстовский интеллигент переживает, казнится укорами совести, предается поэтическим

восторгам, оставаясь под наблюдением своего вопрошающего духа.

Для Чехова нет ни «подполья», ни темных «бездн» духа, ни «подсознания», а есть человек в потоке Времени, где на него действуют то глубинные, то поверхностные струи. Так, к примеру, «ленивый» ковринский дух (повесть Чехова «Черный монах») способен лишь к временному контакту с динамичной, броской «идеей». Почему это произошло? В. Лакшин считает, что Коврин «изнемогает от власти будней, стойко укоренившегося порядка жизни, он стоит на грани бунта, взрыва, но не переходит эту грань» [1, с. 300].

Об этом можно сказать и иначе: так как существует незримое, но весьма определенное напряжение между реальным и идеальным порядком мира. Реальный порядок состоит из сложного и противоречивого смешения «подлинной» и «неподлинной» жизни. Словесным выражением «неподлинной» жизни является пошлость. Идеальный порядок – полное отсутствие пошлости. Существует ли возможность достижения такого идеального порядка? Чехов не дает прямого ответа. Например, в его повести «Черный монах» есть лишь условные временные и пространственные вехи, указывающие в сторону идеала, и эта условность принципиальна. Она связана с чеховским ощущением силы мира вещей, который давит на человека и который может его уничтожить. Из этого ощущения возникает чувство несвободы человека, его зависимости от чуждой ему стихии в мыслях и поступках. Мир вещей отвлекает от его сущности, он не дает ему выразить самого себя, сбивает с толку самым нелепым, обидным, бесцеремонным образом. На первый план выступает одно из всеобщих заблуждений. Это заблуждение – неспособность каждого отдельного человека дать правильную (справедливую) оценку ситуации или другому человеку, особенно когда оценивающий сам вовлечен в эту ситуацию, в тесные взаимоотношения с оцениваемой субстанцией.

Каждый диктует в высшей степени субъективные законы и принципы познания: представление человека о ближних, о скрытых мотивах чужого и своего поведения. Каждый живет в своем особом мире мыслей, чувств и подсознательных настроений. Не только Чехов заметил это. О том же напоминает в своем рассказе «Город» (1902) Л. Андреев: «Каждый человек был отдельный мир, со своими законами и целями, со своей особой радостью и горем, – и каждый был как призрак, который является на миг и, неразгаданный, неузнанный, исчезает. И чем больше было людей, которые не знали друг друга, тем ужаснее становилось одиночество каждого» [2, с. 258]. Одиночество, страдания, скука – это извечные спутники человека. Вот ответ на вопрос, почему это произошло. А кто виноват?

Чехов-естественник видел трагизм бытия, вытекающим из несовершенства и ограниченности биологической природы человека. «Человек физиологически устроен неважно», – написал он

в одном письме. «Чисто по-медицински, то есть до цинизма, убежден, что от жизни сей надлежит ожидать одного только дурного – ошибок, потерь, болезней, слабости и всяких пакостей», – написано в другом [3, с. 117].

Но Чехов также показал (наряду с естественными основаниями ошибочных представлений и поступков) те чисто социальные по своему характеру ошибки, которые выполняют роль явлений предрасполагающих или усугубляющих. Это – ложные учения, которые получили распространение в обществе и определяют строй мышления отдельных людей в состоянии нормы и характер их галлюцинаций во время заболевания (в «Черном монахе» Коврин «вспомнил то, чему учился сам и чему учил других, и он решил, что в словах монаха не было преувеличения» [2, с. 691]).

Можно полностью согласиться с С. Е. Шаталовым, что здесь «сочетается два способа организации идеино-образного материала: традиционная любовно-психологическая коллизия «увязывается» с нравственными исканиями героя, не имеющих подчас прямого отношения к перипетиям любовной истории: нравственное означает особое преломление социального, назревших общественных вопросов. Сцены любви, разлуки, изменения сплетаются с раздумьями героя о добре и зле, процессом его нравственного очищения» [4, с. 212].

Для всех героев существовали свои «идеи» и каждый использовал их для того, чтобы преодолеть одиночество, найти опору, а следовательно – гармонию, счастье. Как раз на поисках счастья и гармонии жизни и построена повесть Чехова «Черный монах». Но что такое счастье? Что такое гармония? Каждый отвечает на эти вопросы по-своему, актуализируя для себя ту или иную грань архетипа «счастье».

1. Счастье – это любовь, брак и семья. Л. Толстой писал: «Главная причина семейных несчастий та, что люди воспитаны в мысли, что брак дает счастье. К браку приманивает половое влечение, принимающее вид обещания, надежды на счастье, которое поддерживает общественное мнение и литература, но брак есть не только несчастье, но всегда страдание, которым человек платит за удовлетворение полового желания, страдание в виде неволи, рабства, пресыщения, отвращения, всякого рода духовных и физических пороков супруга, которые надо нести, –

злоба, глупость, лживость, тщеславие, пьянство, лень, скопость, корыстолюбие, разврат. Главная причина этих страданий только в том, чтобы не ждать радостей, а ждать дурного, готовясь переносить его» [5, т. 53, с. 229].

Эту же мысль Л. Толстой воплотил в своих романах. Например, в «Анне Карениной»: «для Вронского женитьба никогда не представлялась возможностью. Он не только не любил семейную жизнь, но в семье и муже представлял себе нечто чужое, враждебное и смешное». «Вронский смотрел на людей, как на вещи», и, когда Анна оказывается в его власти, он «смотрит на нее, как смотрит человек на сорванный им и завидящий цветок, в котором он с трудом узнает красоту, которую он сорвал и погубил et» [5, т. 45, 500-505].

Повесть Чехова «Черный монах» продолжает эту тему. Возможно, совсем неожиданно роман Л. Толстого «Война и мир» становится ее интертекстом. Коврина тоже зовут Андреем, чувства к Тане аналогичны чувствам князя к Наташе, он умирает, борясь с монахом, а князь – с дверью. Когда было объявлено о свадьбе князя Андрея и Наташи, в его душе вдруг повернулось что-то: «не было прежней поэтической и таинственной прелести желания, а была жалость к ее женской и детской слабости, был страх перед ее преданностью и доверчивостью, тяжелое и вместе радостное сознание долга, навеки связавшего его с нею» [3, с. 225; с. 282]. Коврина умиляла Танина слабость, преданность, незащищенность. Героев обоих авторов отличала гордость мысли. Один дорожил той таинственной силой и славой, которая вот тут над ним носилась в тумане. Другому нравились похвалы окружающих (особенно призрака), он находил, что в них нет преувеличения, старался служить высшему началу, будущему.

Герои Чехова ждали счастья. Хоть и такого, каким они его понимали, но все-таки счастья. Тане хотелось «чего-то для разнообразия», она завидовала уму и таланту Коврина, была обижена на него за любовь отца, надеялась на изменение жизни к лучшему. Песоцкий готов на все ради сада, любит Коврина как сына. Коврину «хотелось чего-то гигантского, необъятного, поражающего», и это «что-то» превратилось в желание «любви, которая захватит его всего» [8, с. 241]. В первый день приезда ему *почему-то вдруг пришло в голову*, что он может увлечься, привя-

заться к Тане и влюбиться в нее, но эта мысль не такая уж случайность: она возникла после разговора о том, что Песоцкий обожает его, любит как сына, гордится им, уверен, что он сделал блестящую карьеру благодаря его воспитанию, да и Таня долго и с большим чувством говорит о нем. Впоследствии мысль о женитьбе неоднократно «подпитывается», так как «днем с огнем не сыщешь людей, которые любили бы его как своего, как родного»; без них он не узнал бы, что такое искренняя ласка и та наивная, не рассуждающая любовь, какую питают только к очень близким, кровным людям»; его «полубольным издерганным нервам» отвечают нервы Тани; он никогда бы уж не мог полюбить здоровую, крепкую, краснощекую женщину, но бледная, слабая, несчастная Таня ему нравилась [8, с. 240]; ее широкое лицо с тонкими черными бровями, худощавость и стройность умиляли его [8, с. 228]; он может привязаться к этому слабому, многоречивому существу [8, с. 230]; она небольшого роста, бледная, тощая, глаза широко раскрыты, темные, умные, все куда-то вглядываются и чего-то ищут, походка мелкая, торопливая, любит говорить и спорить, а каждую фразу сопровождает выразительной мимикой и жестикуляцией [8, с. 238]; он убежден, что ее близость, встречи по десяти раз на день стали потребностью его души [8, с. 244].

Кроме того, каждый из героев думает о себе, пытается спастись от одиночества, надеется на взаимность, а не дождавшись – страдает. То, что все трое тесно связаны, лишь усугубляет положение. Итог печален: Коврин душевно болен и умирает от чахотки, Таня превращается в живые монстры, Песоцкий умирает.

2. Счастье – это гармония с окружающим миром. Хотя с первых же мгновений это может оказаться сомнительным. Жалобный крик куликов, угрюмый парк, сосны с обнажившимися корнями, львы с облупившейся штукатуркой, огромный дом на краю обрывистого берега и только для двух человек – все вызывает тревогу. Не спасает и сад: высшая целесообразность, естественность и простота, особые законы красоты и гармонии нарушены делением сада на коммерческую (деревья в шахматном порядке, каждодневная «борьба» за урожай и т.д.) и декоративную часть (каких только уродств и издевательств здесь не было).

Если у Тургенева природа открывает человеку красоту мироздания и даже смысл жизни (например, в романе «Дворянское гнездо» Лаврецкий обрел душевный покой, наблюдая за травой и жизнью земли), если у Л. Толстого она лечит от пороков цивилизации (например, прозрение князя Андрея под небом Аустерлица и после наблюдений за старым дубом, преображение участников охоты в романе «Война и мир»), то у Чехова природа «равнодушна» к смертному человеку или разрушает мечту. Не человек вмешивается в жизнь природы, а она влияет на его жизнь, так как подчеркивает тоску по недостижимому счастью.

Быт – еще одна часть жизни, располагающая к лени и самодовольству, создающая счастье человека. Что же здесь важно: быт сам по себе или его «количество»? По словам Раскольникова, «тихое пристанище, пуп земли, эссеция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара» – это то, что хуже смерти. Для героев Чехова – это пошлость жизни. Куда бы ни попал, чтобы ни видел герой, его везде преследует «тоска медленно текущей жизни». Все кажется заранее известным, сотни раз виденным и слышанным. Гармония с окружающим миром вроде бы есть, но вот где счастье?

3. Счастье – это страстное ожидание чего-то хорошего, в котором обязательно должны слиться музыка и воплощенная красота. Музыка отличается внутренней соразмерностью и понятна всем без исключения. Но плохая, наемная музыка «с треском» подчеркивает нелепость жизни. Человек боится гнева богов, перестраховывается и постепенно становится равнодушным ко всему.

4. Счастье – это мечта, уход от реальности в мир грез. Гете утверждал, что всякая мысль, которая не ведет к действию, приводит к безумию. В. Камянов считал: «Чеховский герой собирает себя на ощупь, гоняется за призраком цельности, хлопочет о ровном (еще лучше – «сладком») самочувствии, а захлопотавшись, может однажды свести знакомство с черным монахом» [6, с. 85]. Возникает вопрос: что такое черный монах? Если это галлюцинации сумасшедшего Коврина, то что они выражают? В литературе очень часто писали о безумии и безумцах. Гамлет и Дон Кихот использовали безумие как защитную маску. Чацкого ославили, так как он

мешал фамусовскому обществу. Христос, князь Мышкин, Пискарев безумны с точки зрения общего здравомыслия, так как совершают самоизвержение и т.д.

В повести Чехова «Черный монах» это:

а) мысль, вышедшая из-под контроля человека (прослеживается как изо дня в день мысль убивает человека, лишает его воли и защиты, а призрак монаха подсмотрел и подслушал самые сокровенные мысли Коврина);

б) болезнь, созданная как самим героем (из-за постоянной работы и волнений), так и окружающими его людьми (каждодневные разговоры о гениальности и посредственности, программа на «соответствие» некому образцу, воспоминания прошлого и намеки-недомолвки у «почти» родственников);

в) галлюцинации как воплощение прочитанного и изученного (Коврин – это человек с богатым воображением и хорошей памятью; преподаватель и философ; тот, кто легко нарисовал в уме образ; кто вспомнил и все то, чему учился, и то, чему учил других);

г) избранность ученого (Коврин только тем и живет, что занимается философией и психологией);

д) наследственность (Коврин не хотел останавливаться на достигнутом, как и его мать, которая прекрасно пела, рисовала, писала стихи, говорила на пяти иностранных языках, хотя и рано умерла от чахотки);

е) образ – символ мыслей человека (призрак черного монаха как бы струится из дыма, которым окутан сад Песоцких);

ж) вестник смерти (легкое недомогание материализовалось в призрак, потом здоровье еще ухудшилось и призрак появился во время агонии).

5. Счастье – это смерть. Согласно верованиям русского народа, выход в поле, к реке – это всегда препятствие, часто как начало пути в царство мертвых или столкновение с чем-то смертельным. В повести Чехова «Черный монах» рассматривается ситуация, когда герой перешел из одной жизненной сферы в другую. Он пытается осознать, что с ним произошло, причину изменения своей жизни к худшему. Причем, появление призрака и заинтересованность в нем Коврина, по сути, запускает механизм самоуничтожения. Более того, встречи с призраком делят повесть на две части: поиск счастья и постепенное омертвление. Это видно из сопоставления второй и восьмой главы:

Глава 2

1. Много читал и писал, учился итальянскому языку.
Много говорил, пил вино и курил дорогие сигары
2. чуть ли не каждый день приезжали барышни-соседки
3. слушал музыку и пение с жадностью и изнемогал от них
4. по лавам перешел на другую сторону
5. зашумела рожь и послышался сзади глухой ропот сосен
6. приятно взволнованный вернулся домой
7. в парке и в саду спокойно ходили люди,
в доме играли

Таким образом, просматривается достаточно четкое временное (тогда и сейчас) разделение мира и Коврина. А вот если сравнить вторую

Глава 2

1. сидел на балконе и читал. В гостиной в это время Таня-сопрано, одна из барышень-контральто и молодой человек на скрипке разучивали серенаду Брага
2. у него слипались глаза. Он встал и в изнеможении прошелся по гостиной. Он взял Таню под руку и вышел с нею на балкон
3. по смыслу легенды, черного монаха мы должны ждать не сегодня – завтра

То есть творчество Чехова явилось своеобразной философемой тех поисков, которые шли в русской литературе конца XIX века. Кроме того, системный анализ ее идейного содержания и художественных особенностей позволяет: 1) проследить повторяемость тем и мотивов; 2) создать глубину или добавить вне плоскости текста лежащую точку зрения; 3) раздвинуть рамки отдельного текста, в результате чего он приобретает объемность, свойственную крупным формам литературы.

Комплексный анализ обнажает суть, таящуюся во множестве конкретных обличий, а архе-

Глава 8

1. Много пил молока, работал только два часа в сутки, не пил вина и не курил
2. в доме служили всенощную
3. запахло точно кладбищем, и ему стало скучно
4. дойдя до реки, спустился вниз и тут постоял в раздумье, глядя на воду
5. угрюмые сосны теперь не шептались, а стояли неподвижные и немые, точно не узнали его
6. вялый, неудовлетворенный вернулся домой
7. всенощная кончилась. Песоцкие сидели на ступеньках террасы и пили чай

и девятую главы, то выявляется и пространственное (тут и там) разделение:

Глава 9

1. вышел на балкон. В нижнем этаже, под балконом, окна, вероятно, были открыты, потому что слышались женские голоса и смех. По-видимому, там была вечеринка.
2. им овладело беспокойство, похожее на страх. За ширмами спала Варвара Николаевна. У него было такое чувство, как будто кроме него не было ни одной живой души.
3. мельком взглядал на дверь, как бы боясь, чтобы не вошла в номер и не распорядилась им опять та неведомая сила

типа «счастье» и его интерпретации в русской литературе конца XIX века раскрывают особую философию жизни, род бытия, не всегда постигаемый за калейдоскопом образов, сюжетов и жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакшин В.Я. Чехов и Л. Толстой. М., 1963.
2. Андреев Л. Собр. соч. в 2-х томах. М., 1991.
3. Чехов А.П. Полное собрание соч. и писем в 30-ти томах. М. 1974, П5.
4. Шаталов С.Е. Черты поэтики Чехова (Чехов и Тургенев) // В творческой лаборатории Чехова. М., 1974.
5. Толстой Л.Н. Полное собр. соч. М., 1952.
6. Камянов В. Литературные связи Чехова. М., 1989.